

Микуленок Александра Андреевна

аспирант Кубанского государственного университета

**ПРОБЛЕМА РУССКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
В ПОЛЬШЕ В 1920-Е ГГ.**

Mikulenok Alexandra Andreevna

PhD student, Kuban State University

**THE PROBLEM OF RUSSIAN
NATIONAL SCHOOL
IN POLAND IN THE 1920-S****Аннотация:**

В статье рассматривается положение русской национальной школы в Польше в 1920-е гг. Автор анализирует политику местного правительства, направленную на ликвидацию национальной русской школы в стране. Показано положение преподавательского состава русскоязычных учебных заведений, отличия частных национальных школ от государственных, положение учеников, трудности, с которыми сталкивались учащиеся, посещающая национальные школы.

Ключевые слова:

российская эмиграция, Польша, образование, русская национальная школа, русскоязычные учебные заведения, денационализация.

Summary:

This article considers the status of the Russian national school in Poland in the 1920-s. The author deals with the politics of the Polish government, which was aimed at the liquidation of the Russian national school in the country. The paper also describes how the teachers of the Russian national school lived, as well as the main differences between private and state schools, the position of students, the challenges they faced while visiting the national schools.

Keywords:

Russian emigration, Poland, education, Russian national school, denationalization.

В 2008 г. президент Российской Федерации – Д.А. Медведев утвердил Концепцию внешней политики Российской Федерации, в которой говорилось, о необходимости «всесторонней защиты прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом» [1].

Поэтому изучение истории российской эмиграции в лимитрофных государствах, в частности в Польше, поможет увидеть положение русскоязычного населения с исторической ретроспективы. Вопросы, связанные с историей российской эмиграции в Польше в 1920-е гг., еще достаточно мало изучены. Ряд исследователей остановились на одной из составных частей российской эмиграции в Польше в межвоенный период, а именно на изучении казачества [2] и российской диаспоры [3]. В то же время проблема положения русской национальной школы в Польше в 1920-е гг. является одной из наименее изученных, поэтому она и стала предметом исследования в данной статье.

De jure Польское государство обрело независимость в 1921 г. при условии сохранения прав национальных меньшинств, проживающих на территории вновь образованного государства, в соответствии с Версальским мирным договором. В подтверждение этого в Конституцию страны от 1921 г. было внесено четыре пункта, гарантировавших нацменьшинствам сохранение своих национальных особенностей, культуры, языка и права на образование на родном языке [4].

Однако de facto было принято считать, что русскоязычное население в Польше не являлось коренным, а было пришлым – это «наследие царской России», в то же самое время украинское, белорусское население получило статус национальных меньшинств. Поэтому вплоть до середины 1930-х гг. местными властями проводилась политика борьбы с русскоязычным населением под лозунгом «Русских в Польше нет!» [5].

Выразилась она и в борьбе с русскими национальными школами, которая началась в 1918 г., сразу после провозглашения независимости Польши.

Национальная школа в Польше имела свою специфическую черту – в отличие от классических эмигрантских школ, например европейских, в Польше, как и во всех лимитрофных государствах, национальные русские школы имели более чем вековую историю своего существования.

Ниже приведена табл. 1, отражающая изменение количества русскоязычных школ в первой половине 1920-х гг. [6].

Таблица 1 – Изменение количества русскоязычных заведений в Польше в 1922–1924 гг.

Показатель	1922	1923	1924
Средние школы	35	23	15
Начальные школы	17	7	6
<i>Всего</i>	52	30	21
Детские приюты	3	6	10
<i>Итого</i>	56	36	31

Говоря о русской школе в Польше, следует помнить, что она была школой коренного русскоязычного населения, насчитывающей не одно столетие своего существования, однако без преимуществ национальных школ [7]. До 1918 г. на территории Царства Польского, входившего в состав Российской империи, существовало несколько тысяч низших и средних школ.

Во время войны часть из них, в основном высшие и средние, была эвакуирована вглубь России, поэтому после подписания Рижского мирного договора в 1921 г. на территории вновь образованного польского государства осталось несколько тысяч русскоязычных учителей.

К середине 1920-х гг. уже не существовало высшей русской школы, а от средней и низшей школы осталось небольшое количество [8].

В 1920 г. в Польше было 43 русских средних учебных заведения, в 1929 г. – их осталось только 7, из них 2 (мужскую и женскую гимназии) во избежание закрытия планировалось объединить в единую смешанную гимназию [9].

Процесс разрушения русской школы начался в 1918 г., когда всем русским школам предложили перейти на польский язык преподавания, оставив русский язык в качестве отдельного предмета (немаловажен тот факт, что в 1905 г. российское правительство разрешило преподавание на польском языке в частных школах Царства Польского [10]). Школы, пожелавшие преподавать по русским программам обучения и с преподаванием на русском языке, либо закрывались [11], либо становились частными без права выдачи аттестата зрелости. Но все учащиеся русских школ должны были обязательно изучать польский язык, польскую литературу, историю, географию, преподавание этих дисциплин велось на польском языке.

Только в 1929 г. на территории Польши открылось 2 гимназии: одна смешанная – в Варшаве и первая русская гимназия в Восточной Галиции – во Львове. Хотя формально правительство и не давало разрешения на их деятельность, но и не отклонило ходатайство об открытии [12]. Русскую школу для детей эмигрантов открыть было легче, чем школу для коренного населения. В этом случае школа могла рассчитывать на правительственную помощь, правда, при соблюдении одного условия – эмигрантскую школу могли посещать только дети эмигрантов.

Ниже приведена табл. 2, из которой видно, что в 1926 г. всего в русскоязычных школах обучалось 2 004 чел. (1 148 мальчиков и 856 девочек), из них 550 были эмигрантами (321 мальчик и 229 девочек) при численности великорусского населения в один миллион жителей [14]. Из 10 гимназий и реальных училищ 1 была мужская и 1 женская гимназия, остальные – смешанные.

Таблица 2 – Соотношение численности учащихся русской национальности и эмигрантов в русской национальной школе в 1926 г. [13]

Название учебного заведения	Численность учащихся					
	Общая численность			Из них эмигрантов		
	Мальчиков	Девочек	Итого	Мальчиков	Девочек	Итого
Варшавская гимназия	131	92	223	51	31	82
Виленская гимназия Русского общества	132	–	132	28	–	28
Виленской-Поспеловой гимназия	–	139	139	–	47	47
Луцкая гимназия	70	77	147	28	22	50
Ревенская гимназия	191	104	295	127	64	191
Вилейская гимназия	52	45	107	14	11	25
Новогрудская гимназия	82	56	138	18	12	30
Брестская гимназия	269	203	472	15	6	21
Лунинецкое реальное училище	81	79	160	31	34	65
Пинское реальное училище	130	61	191	9	2	11
<i>Итого</i>	1148	856	2004	321	229	550

В этом же году национальную школу окончило 185 человек (114 мальчиков и 71 девочка), среди них 57 эмигрантов (33 мальчика и 24 девочки).

Многие родители были обеспокоены растущей денационализацией и недовольны малым количеством часов русского языка в школе, например, во Львове преподавание на русском языке отсутствовало как в государственных, так и в частных гимназиях [15]. А русским языком, историей и географией дети занимались только в русских бурсах. Поэтому родители обращались в Союз взаимопомощи с просьбой организовать для 6–9-летних детей курсы русского языка [16]. Помимо этого в качестве альтернативного способа борьбы с прогрессирующей денационализацией было предложено отдавать детей исключительно в русские бursы, где дополнительно преподавали русский язык и литературу [17]. На территории Польского государства существовало 6 русских бурс: Русская бурса в Родах для учеников средних учебных заведений, Русская бурса Ставропигии во Львове, Русская бурса «Народного дома» во Львове, Русская бурса общества «Русский

приют» во Львове, Русская бурса в Сяноке, Русская бурса в Самборе Общества русских женщин. Стоимость проживания в бурсах составляла от 45 до 75 злотых ежемесячно [18].

Количество мест в бурсах было ограничено, поэтому для поступления в русские бursы проводился конкурс среди учеников. Например, для поступления в Русскую бурсу «Народного дома» во Львове первоначально родители или опекуны должны были отправить по почте прошение о принятии в бурсу с указанным обратным адресом и маркой для ответа стоимостью 75 грошей [19]. В письме необходимо было предоставить метрику о крещении и школьное свидетельство. Ребенок обязательно должен был быть привит от оспы, что должно было подтверждаться медицинской справкой. В случае зачисления в бурсу родители или опекуны письменно подтверждали, что ребенок не отчислится из бursы до конца учебного года. Стоимость содержания в месяц составляла 70 злотых, при этом оплата должна была вноситься ежемесячно до 15 числа без задержек, иначе – исключение. Однако стоимость проживания в бурсе напрямую зависела от инфляции в стране и в течение года могла быть изменена. При поступлении каждого воспитанника родителями или опекунами вносилась однократная сумма в 35 злотых: 20 – на инвентарь, 10 – на медицинские нужды и 5 – на баню. Помимо этого, каждый воспитанник должен был при себе иметь: 4 пары белья, по 3 простыни и пододеяльника, 1 сеник, 1 одеяло, 1 подушку, 3 наволочки, 4 ручки, 6 носовых платков, 6 пар носков, комплект летней одежды и обуви, предметы личной гигиены, дополнительные средства на учебные пособия и оплату обучения в школе. После зачисления в бурсу все воспитанники обязательно проходили медкомиссию, больным кандидатам отказывали в зачислении, а внесенные деньги возвращали.

В бурсе бесплатно обучали нотному пению, истории Руси, русскому языку и другим предметам. Должников не зачисляли до полной ликвидации денежной задолженности.

Кроме оплаты за бурсу, необходимо было оплачивать и обучение в русской гимназии, например, год обучения в Брестской гимназии в 1929 г. составлял от 200 до 400 злотых в зависимости от класса (1-й класс – 200 злотых; 2–3-й классы – 250 злотых; 4–5-й классы – 300 злотых; 6–7-й классы – 350 злотых; 8-й класс – 400 злотых) [20]. Оплата была разделена на равные части, которые вносились ежемесячно в течение года.

Особо нуждающимся и талантливым учащимся выплачивали стипендии, однако довольно часто выплаты осуществлялись с опозданием.

Не все родители, даже при желании, могли позволить себе отдать детей в русские школы. Например, правление Союза русских военных инвалидов в Польше в свое время возбудило ходатайство о предоставлении детям инвалидов, посещающим русские школы, льготы [21]. Однако министерство народного просвещения уведомило правление союза, что «дети инвалидов пользуются правом бесплатного обучения только в правительственных школах».

Обучение в частной школе было дорогостоящим, поэтому многие родители предпочитали отдавать своих детей в польские школы. Оплата обучения в государственной гимназии была значительно меньше, чем в русской с правами. Из-за достаточной высокой стоимости обучения в середине 1920-х гг. в городах в русских национальных школах помимо русских детей обучались и еврейские. Почти все русские школы содержались за счет платы за обучение. Благотворительные организации хотя и помогали материально и регулярно проводили сборы пожертвований на нужды русской школы [22], но помощь их была незначительна, она не покрывала и 10 % нужд школ [23].

Например, в Положении о начальном 7-классном училище Русского комитета в Варшаве от 23 марта 1923 г., было сказано, что приоритет при наборе детей необходимо отдавать сиротам и полусиротам, даже при низком экзаменационном балле, и наиболее материально не обеспеченным детям. Среди сирот преимущество при поступлении имели дети погибших на войне, после сирот таким преимуществом пользовались дети инвалидов войны. Наиболее социально необеспеченные ученики получали бесплатно пособия и учебники во временное пользование до конца учебного года, по истечении которого они должны были быть возвращены в библиотеку [24]. Все ученики вне зависимости от материального положения получали бесплатные горячие завтраки.

Самостоятельно русскоязычное население содержать школы не могло. Значительную часть доходов русская школа получала от зажиточного еврейского населения. Для лишения школы финансовой составляющей польское правительство запретило принимать в русские школы детей нерусской национальности, аргументируя это желанием правительства «оградить русских детей от негативного влияния детей еврейской национальности».

Кроме этого, русские школы ежегодно должны были получать специальное разрешение, так называемую «концессию» на деятельность, предоставляемую правительством, при условии, что в течение двух лет школа перейдет на польский язык преподавания.

При рассмотрении ходатайства о «концессии» всегда находилось достаточно поводов для отказа: не утверждалось лицо, на имя которого выдавалась концессия, директор или учитель

польского языка признавались недостаточно квалифицированными или школьное помещение неподходящим [25].

Главной причиной закрытия русских школ было не отсутствие учеников, а отсутствие концессии на их содержание со стороны попечителей учебных округов. Даже православная духовная семинария для получения субсидирования из государственной казны была переведена в статус государственной с преподаванием на польском языке [26].

Школы, получившие разрешение, становились частными, без правительственных льгот и без права выдачи аттестата зрелости, выпускник мог получить только свидетельство о прослушивании курса [27]. Это была одна из причин невозможности поступления выпускников русских школ в польские вузы. Другая причина заключалась в том, что все вступительные экзамены в вузы сдавались на польском языке и одним из обязательных экзаменов было сочинение на польском языке, что было весьма трудно для абитуриентов-эмигрантов.

Положение русской национальной школы в Польше было не столь благоприятно, как в некоторых других европейских странах, помимо этого, как правило, окончание русской национальной школы в Польше не способствовало в дальнейшем получению высшего образования. Однако окончание русского учебного заведения в любой другой стране не давало никаких преимуществ при поступлении в вуз.

Особенно усиленно шло закрытие русских школ восточнее «линии Керзона», т. е. в областях, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. При этом открытию украинских и белорусских школ польское правительство не препятствовало, аргументируя это тем, что, согласно официальной статистике, в Польше, за исключением случайных эмигрантов, не было коренного русскоязычного населения.

Для преподавания в школе учителю необходимо было иметь польское гражданство, особенно на «восточных крессах» (территории, отошедшие к Польской Республике по Рижскому мирному договору от 21.03.1921), иначе – отстранение от преподавательской деятельности [28].

Требование это относилось к учителям правительственных и частных школ. Однако прошения о приобретении польского гражданства рассматривались годами, даже если оптант проживал на «восточных крессах» всю жизнь. По установившейся практике все русские, живущие в городах, и лица интеллигентных профессий должны были подавать местным властям прошения о признании их польскими поданными, приводя доводы для оптации. Были распространены случаи потери педагогической службы из-за отсутствия польского гражданства, так как дело об оптации находилось «w toku» (в рассмотрении) в течение нескольких лет. Как правило, такие долгосрочные дела заканчивались отказом в гражданстве со всеми вытекающими последствиями этого отказа.

Из 15 воеводств (губерний) русские школы оставались только в 5 восточных (Новогрудском, Полесском, Волынском, Белостокском и в Виленщине), где обучался всего 1 % русских детей [29].

Негативное отношение правительства коснулось всех аспектов школьного дела: оно сказалось и на состоянии школьных помещений, кабинетов, библиотек и т. д. Как правило, хорошо оборудованные старые русские школьные помещения были конфискованы польскими властями, часть из них была передана государственным школам, в том числе и украинским. Взамен же русским школам не предоставляли никакого другого помещения.

77 % преподавателей зарабатывало от 100 до 300 злотых в месяц, в среднем заработок преподавателя составлял 197 злотых, но около 80 % учителей имели зарплату менее прожиточного минимума. В среднем час труда оплачивался в 5–8 злотых в месяц, в зависимости от местности, однако польские учителя на аналогичной должности получали в 2,5–3 раза больше.

Например, в Эстонии учителя русской школы получали всего 3 000 марок в месяц, при прожиточном минимуме в 6 000 марок на 1 чел., для сравнения: учителя местной средней школы получали 9 000–20 000 марок в месяц, начальной – 6 000–15 000 марок [30]. В Вильно преподаватели получали скудное жалование и с задержкой в 6 месяцев, но, несмотря на это, весь необходимый инвентарь для школы покупали на свои средства [31].

Заработная плата учителя формировалась в соответствии с возрастом, педагогическим стажем и образованием, но вне зависимости от колебания курса валют и инфляции. Например, в 1924 г. за доллар давали 5,2 злотых, в феврале 1926 г. – 8–8,3, при этом уровень зарплаты русских учителей оставался неизменным [32]. Все учителя-эмигранты, даже не работающие по специальности, могли рассчитывать на льготное или бесплатное лечение (при наличии соответствующих документов и показаний) за счет Красного Креста [33].

Среди преподавателей преобладали мужчины (68 %), из них большинство были женатые (80 %). Все учителя, работающие в русских школах, имели высшее и среднее специальное образование, с преобладанием специального педагогического образования (51,5 %).

61 % – находился в работоспособном возрасте от 35 до 55 лет, однако большинство из них было старше 35 лет (38 %), и все преподаватели имели солидный стаж преподавательской деятельности: около 30 % из них имели стаж работы более 25 лет [34].

Обучение в школах разрешалось только по отпечатанным учебникам, и, чтобы лишить русские школы учебной литературы, все русскоязычные школьные библиотеки печатались. Помимо этого, польским библиотекам было запрещено иметь русские книги на оригинальном языке, таким образом, допускалось наличие только переводной литературы.

К 1925 г. число русских школ в Польше уменьшилось на 35 % [35].

Таким образом, положение русских школ в Польше было достаточно сложным. С одной стороны, сохранение национальной идентичности русскоязычному населению гарантировали Конституция страны и ряд международных договоров. С другой стороны, русскоязычное население всецело зависело от политики местных властей, которые вели активную борьбу с русскоязычными школами, стараясь всеми возможными способами ликвидировать их. Издавались законы, направленные на закрытие школ, активно проводилась политика местного шовинизма. Помимо этого, обучение в русских национальных школах было весьма дорогостоящим, и не все русские могли позволить себе отдать своих детей в частную гимназию. Понимая тяжелое материальное положение в том числе и эмигрантов, директорат школ старался сделать все возможное для сокращения затрат на процесс обучения, кроме этого, особо нуждающимся выплачивали стипендии. Из-за всего вышеперечисленного многие родители предпочитали отдавать своих детей в местные государственные школы. Но окончание русского учебного заведения сказывалось негативно на получении дальнейшего образования, а зачастую делало это невозможным.

Политика, проводимая государством, сказалась отрицательно на жизни русской школы в целом. Поэтому количество русских учебных заведений из года в год сокращалось. Это также служило одной из причин, почему русские эмигранты при первой возможности пытались перебраться из Польши в другие европейские государства.

Ссылки:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 15.07.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krem-lin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 20.07.2015).
2. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 211–218; Телепень С.В. Кубанские и другие белоказачьи формирования в Польше (1920–1922 гг.) // Историко-культурное наследие и современность : материалы республиканской науч.-практ. конф. Краснодар, 1995. С. 90–92.
3. Симонова Т.М. Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001; Ёлкин А.И. Русская школа в Польше (1918–1939 гг.) // Вісник Харківського державного університету. 1998. № 413: Історія. Вип. 30. Харків, 1998. С. 214–222.
4. Конституция Польской Республики 1921 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=8760> (дата обращения: 01.06.2015).
5. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 28. Л. 33.
6. Зарубежная русская школа. 1920–1924. Париж, 1924. С. 240.
7. Сокольников Д.М. Русская школа в Польше: доклад, прочитанный на первом всеэмигрантском педагогическом съезде в Праге 4 апреля 1923 г. // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. № 2/3. С. 123.
8. ГАРФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 257. Л. 11.
9. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 69. Л. 31.
10. Зарубежная русская школа ... С. 236.
11. Ёлкин А.И. Указ. соч. С. 215.
12. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 69. Л. 2, 9.
13. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 84. Л. 12 об.; 13.
14. ГАРФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 257. Л. 11.
15. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
16. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 69. Л. 24.
17. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 84. Л. 37.
18. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 69. Л. 39.
19. Там же. Л. 49.
20. Там же. Л. 18.
21. Там же. Л. 21.
22. Там же. Л. 8.
23. Сокольников Д.М. Русская школа ... С. 127.
24. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 34. Л. 174.
25. Сокольников Д.М. Русская школа ... С. 124–128.
26. ГАРФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
27. Сокольников Д.М. Русская школа ... С. 128.
28. Сокольников Д.М. Польша // Русский учитель в эмиграции : сборник статей. Прага, 1926. С. 152.
29. Там же.
30. Зарубежная русская школа ... С. 206.
31. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 69. Л. 10.
32. Сокольников Д.М. Польша ... С. 148.
33. За Свободу! 1922. № 114.
34. Сокольников Д.М. Польша ... С. 150–152.
35. ГАРФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 17. Л. 292.

References:

1. *The Foreign Policy Concept of the Russian Federation of 15.07.2008* 2008, retrieved 20 July 2015, <<http://www.kremlin.ru/acts/news/785>>.
2. Ratushnyak, OV 2013, 'Cossacks emigrants in Poland in the first half of the 1920s', *World of the Slavs of the North Caucasus*, Krasnodar, vol. 7, p. 211-218; Telepen, SV 1995, 'Kuban and other White Cossack formation in Poland (1920-1922)', *Historical and cultural heritage and the present: Materials of the republican scientific-practical Conf.*, Krasnodar, p. 90-92.
3. Simonova, TM 2001, 'The Russian diaspora in Poland in 1920-1924', *The national diaspora in Russia and abroad in the XIX-XX centuries*, Moscow; Elkin, A 1998, 'Russian school in Poland (1918-1939)', *News of Kharkov sovereign university*, no. 413: history, issue 30, Kharkov, p. 214-222.
4. *The Constitution of the Republic of Poland in 1921* 2015, retrieved 01 June 2015, <<http://constitutions.ru/?p=8760>>.
5. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 28, l. 33.
6. *Foreign Russian school. 1920-1924* 1924, Paris, 240 p.
7. Sokoltsev, DM 1923, 'Russian school in Poland: report read on the first All-emigrant Pedagogical Congress in Prague, April 4, 1923', *Russian school abroad*, Prague, no. 2/3, p. 123.
8. GARF, f. r-5837, op. 1, d. 257, l. 11.
9. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 31.
10. *Foreign Russian school. 1920-1924* 1924, Paris, p. 236.
11. Elkin, A 1998, 'Russian school in Poland (1918-1939)', *News of Kharkov sovereign university*, no. 413: history, issue 30, Kharkov, p. 215.
12. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 2, 9.
13. GARF, f. r-5814, op. 1, d. 84, l. 12 ob., 13.
14. GARF, f. r-5837, op. 1, d. 257, l. 11.
15. GARF, f. r-5850, op. 1, d. 31, l. 4.
16. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 24.
17. GARF, f. r-5814, op. 1, d. 84, l. 37.
18. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 39.
19. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 49.
20. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 18.
21. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 21.
22. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 8.
23. Sokoltsev, DM 1923, 'Russian school in Poland: report read on the first All-emigrant Pedagogical Congress in Prague, April 4, 1923', *Russian school abroad*, Prague, no. 2/3, p. 127.
24. GARF, f. r-5814, op. 1, d. 34, l. 174.
25. Sokoltsev, DM 1923, 'Russian school in Poland: report read on the first All-emigrant Pedagogical Congress in Prague, April 4, 1923', *Russian school abroad*, Prague, no. 2/3, p. 124-128.
26. GARF, f. r-5850, op. 1, d. 31, l. 4.
27. Sokoltsev, DM 1923, 'Russian school in Poland: report read on the first All-emigrant Pedagogical Congress in Prague, April 4, 1923', *Russian school abroad*, Prague, no. 2/3, p. 128.
28. Sokoltsev, DM 1926, 'Poland', *Russian teacher in exile: a collection of articles*, Prague, 152 p.
29. Sokoltsev, DM 1926, 'Poland', *Russian teacher in exile: a collection of articles*, Prague, 152 p.
30. *Foreign Russian school. 1920-1924* 1924, Paris, p. 206.
31. GARF, f. r-5785, op. 2, d. 69, l. 10.
32. Sokoltsev, DM 1926, 'Poland', *Russian teacher in exile: a collection of articles*, Prague, p. 148.
33. *For Freedom!* 1922, no. 114.
34. Sokoltsev, DM 1926, 'Poland', *Russian teacher in exile: a collection of articles*, Prague, p. 150-152.
35. GARF, f. r-7003, op. 1, d. 17, l. 292.